Кузьминов Я.И. О вульгарных тенденциях в политической экономии / Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли / Отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: Экономика, 1990. С. 4-32.

О ВУЛЬГАРНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

По установившемуся в марксистской науке определению, вульгарная политическая экономия "ограничивается описанием и поверхностной классификацией внешней видимости экономических процессов и не раскрывает их сущности"[1]. Долгое время считалось, что вульгаризация затрагивает исключительно буржуазную науку, являясь основной характеристикой ее кризиса. Сегодня, когда кризисные явления в марксистской политэкономии (и в первую очередь в политической экономии социализма) очевидны для всего общества, ясно, что и марксизм не обладает иммунитетом к вульгарным тенденциям.

Действительно, если мы обобщим Марксовы характеристики вульгарной политэкономии (а помимо вышеназванной, они таковы: некритический догматический подход к наследию классиков; схоластический характер; неправомерные абстракции в рассмотрении субъектов экономической системы; замена непредвзятого исследования угодливой апологетикой, отказ от анализа движущих противоречий социально-экономического строя данного способа производства и обоснование гармонии интересов), то увидим, что именно эти обвинения высказывались в адрес "доперестроечной" политической экономии социализма в научной литературе и публицистике за период с 1985 г.

Стоит ли за этим внешним подобием случайное сходство аргументации или же в истории развития политической экономии имеют место определенные закономерности?

Логика развития экономической теории. Нередко можно услышать мнение, что главная функция науки - познавательная. Познавать и объяснять мир, приводить в систему накопленные факты и представления, строить научную картину мира - вот задача ученых. Это действительно так, но функция познавательная для научного сообщества как бы "внутренняя", это в то же время и задача науки, и способ ее существования. Познавательная функция — мощный двигатель развития научного знания (а в какие-то моменты, возможно, и самый мощный), но с точки зрения общества (пока ученые не составляют в нем большинства) существование науки оправдывается, другими ее функциями.

У каждой социальной теории имеются две "внешние", выполняющие социальный заказ функции — прогностическая (практическая) и идеологическая.

Прогностическая функция обусловливает само существование научной теории: это то, что отличает ее от "голой идеологии" (ведь защищать интересы своего класса можно и на уровне

[1] Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1972. С 287.

эмоций, без какого-то обращения к научной аргументации). Потребитель, "заказчик" экономической теории, всегда ждет от нее не только оправдания или отрицания существующего порядка вещей (в чем суть идеологической функции), но, прежде всего обоснованного прогноза для своей практической деятельности. Именно использующий теорию класс определяет рамки прогноза: это может быть краткосрочный прогноз для локального рынка (микроэкономическая теория А. Маршалла и его школы), среднесрочный для ряда отраслей народного хозяйства или даже для экономики страны в целом (теории циклов и макроэкономическая теория Дж. Кейнса), весьма долгосрочный, на десятилетия, но ограниченный чисто технико-экономическими параметрами при допуске сохранения существующих социально-экономических отношений ("технологическая" ветвь современной футурологии, например работы В. Леонтьева). Наконец, следует выделить так называемый глобальный прогноз, отвечающий на вопросы о перспективе существующего экономического строя и дающий представление о вероятных в случае его отрицания формах социально-экономических отношений. Глобальный прогноз, как правило, интересует класс, которому "тесно" в рамках существующего экономического порядка, класс, заинтересованный в его частичном или полном демонтаже. Такой прогноз для класса буржуазии (включающего и капиталистов, и мелких товаропроизводителей) в наиболее полной форме дал А. Смит, для класса пролетариев — К. Маркс.

Итак, прогностическая функция политической экономии обеспечивает экономическую практику, деятельность того или иного класса в социально-экономической сфере и по поводу этой сферы. Легко заметить, что перестройка буржуазной политической экономии от Смита и Рикардо до Милля и Маршалла диктовалась в первую очередь практическими потребностями класса буржуазии, а вовсе не теоретической и идеологической конфронтацией с научным социализмом[2]. Основной практической задачей буржуазии конца XVIII — начала XIX в. было убрать мешавшие свободному развитию товарных отношений рудименты феодального порядка. Это не означает, что действующего капиталиста не волновали в то время вопросы максимизации прибыли, устойчивости его формы и т.д. Но в условиях сохранения искусственных монополий, привилегий на тот или иной вид деятельности наиболее реальный путь разбогатеть — самому добиться такой привилегии, а в условиях отсутствия "нормальной" конкуренции и единого рынка рабочей силы параметры прибыли и зарплаты все еще частенько определялись традицией[3]. Даже самое детальное и

[2] В отечественной историко-экономической литературе сложилась традиция рассматривать, скажем, возникновение маржинализма как результат напряженных поисков буржуазией достойного теоретического ответа на "Капитал" К.Маркса. "Основной целью буржуазных экономистов стало опровержение марксизма, попытки навязать рабочему классу свою идеологию. Это потребовало более тонких и замаскированных приемов апологии капитализма", - писали авторы последнего учебника "История экономических учений" (М.: Высшая школа, 1983. С. 183).

[3] Этот факт нашел теоретическое отражение в системе А. Смита. Одна из выделяемых в его "Богатстве народов" теорий стоимости, согласно которой цены произведенных на капиталистических предприятиях товаров складываются из доходов предпринимателей (прибыль), рабочих (зарплата) и

беспристрастное исследование не могло в этих условиях дать точного микроэкономического прогноза.

Зато уже в середине XIX в., когда буржуазия в передовых странах добилась формирования основных институтов свободного рынка, ее практические потребности переместились на рациональное хозяйствование в новых условиях. Соответственно перед политической экономией буржуазии встала как наиболее актуальная задача кратко - и среднесрочного микроэкономического прогноза. Практика показала, что решение этой задачи требует от экономистов обращения к закономерностям спроса, носящим во многом субъективно-психологический характер, и синтеза субъективных и объективных факторов в анализе конкретного рынка. Такова была основа так называемой маржиналистской революции в буржуазной политической экономии.

Микроэкономический анализ первых маржиналистов - У. Джевонса, Л. Вальраса, представителей австрийской школы, а впоследствии и А. .Маршалла, осуществившего теоретический синтез субъективных теорий спроса и традиционных для английской буржуазной политической экономии XIX в. "объективных" теорий издержек и тем самым заложившего основы наиболее реалистической теории рынка, — основывался на целом ряде допусков. В частности, он был полностью изолирован от макроэкономических, народнохозяйственных проблем экономического развития, включая проблемы денег и кредита. Процессы воспроизводства экономики страны в целом предполагались как бы совершающимися сами собой. Эта специфическая ограниченность поля зрения буржуазной политической экономии конца XIX — начала XX в. имела под собой реальную основу. Вплоть до Великого кризиса 1929 г. класс буржуазии, хотя и держал в руках политическую власть, не испытывал необходимости вмешиваться в "естественный" ход событий в экономике: кризисные потрясения, хотя и вели к растрате производительных сил, к разорению отдельных предпринимателей, тем не менее, с точки зрения класса капиталистов в целом, стимулировали прогресс производства, ускоряя "естественный отбор" участников хозяйственной жизни.

Кейнсианская революция и становление буржуазной макроэкономической теории отразили объективное изменение социальной практики класса буржуазии, превращение капиталистического государства в субъект экономической деятельности.

Качественно отличался от современных ему буржуазных экономических учений второй половины XIX в. предмет пролетарской политической экономии, научная система которой была создана К. Марксом. Пролетариат в этот период становился "классом для себя",

---

землевладельцев
(рента), представляет не апологетическую выдумку, а обобщение реальных тенденций ценообразования в XVIII в. (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. 1. Гл. 6).

выдвигал собственную идеологию, и решающей функцией научной теории с его позиций была функция глобального прогноза: ограничены ли горизонты капитализма, виден ли выход из подчиненного, бесправного экономического положения для членов этого класса? Именно поэтому классики буржуазной политической экономии — Смит и Рикардо — "по наследству" перешли в ряд предшественников пролетарской экономической мысли. Напротив, генеральная линия развития политической экономии победившей буржуазии - изучение законов функционирования "ставшей" буржуазной экономики, законов капиталистического хозяйствования - рассматривалась пролетарскими идеологами как уводящая от решения главных проблем современности.

И в самом деле, много ли дела было наемному работнику XIX в, до колебаний прибыли или точки установления цены равновесия на том или ином рынке? Как потребитель он (до образования сильных кооперативных обществ) выполнял чисто пассивную роль при складывании цен на его "потребительскую корзину" товаров, как участник производства — тоже не был субъектом хозяйствования. Единственное, что могло серьезно интересовать пролетариат в функционировании капиталистической экономики, — это колебания цены рабочей силы. Но и в этом вопросе ответ вплоть до конца прошлого века зависел не от деятельности самих наемных работников. Пока господству капиталистов на рынке рабочей силы не была противопоставлена монополия объединенных в профсоюзы трудящихся, пролетариат играл и здесь чисто страдательную роль.

Но если прогностическая функция — определяющая в развитии экономической теории, то каково же место идеологической функции? Является ли она полностью вторичной или в какие-то моменты выходит на передний план?

Идеологическая функция необходимо присутствует в каждом учении, предметом которого являются общественные отношения, обосновывая и отстаивая те реально существующие интересы, которые в настоящий момент присутствуют в обществе. Следует отмежеваться от еще не преодоленного в советской науке вульгарно-социологического подхода, сторонники которого пытаются всякий раз однозначно увязывать научные позиции той или другой школы с интересами одного определенного класса или социальной группы. Речь может идти только о каких-то границах, рамках, которые теоретическая система ставит тем классовым интересам, которые могут "через нее" выражаться (так "легальный" марксизм в России вполне адекватно выражал и специфические классовые интересы буржуазии, но лишь до начала XX в., когда реальное противоречие интересов буржуазии и пролетариата стало одним из решающих в общественном развитии нашей страны), и наоборот, о рамках, задаваемых реальными

социальными интересами того или иного исследователя, его собственным теоретическим изысканием (Смит и Рикардо сочувственно относились к рабочим, но даже не ставили перед собой вопрос, стоит ли поступиться экономической эффективностью для улучшения их положения).

Идеологическая функция экономической теории различается в зависимости от того, какой класс - господствующий или угнетенный - эту теорию выдвигает. У господствующего, удовлетворенного своим положением в социально-экономической системе класса она принимает форму апологии (то есть выделения привлекательных черт, преимуществ действующей системы), у класса угнетенного, которому "неудобно" в сложившихся обстоятельствах, - форму критики существующего общества, выявления его противоречий, а также формулирования социального идеала.

Разумеется, попытки выделить в теории отдельно какие-то "практические" и "идеологические" разделы (с тем, чтобы последние отбросить, а первые воспринять в полном объеме) не могут рассчитывать на успех. При том, что в большинстве экономических теорий и имеются чисто "инструментальные" разделы — обоснование техники экономического анализа и т.п., сами по себе они не составляют теории. Хотя в значительном количестве политико-экономических сочинений мы и сможем обнаружить разделы, построенные на "голой идеологии", без обращения к фактам и без прогностических возможностей, тратить время на их анализ как экономических теорий бессмысленно, они чаще всего играют просто роль украшений.

Прогностическая и идеологическая функции политической экономии — это не два отдельных предмета, а две стороны одного и того же предмета. Они не могут развиваться независимо. Но в истории науки бывают периоды, когда прогностические возможности конкретной теории перестают соответствовать потребностям класса- "пользователя".

Тогда ценность этой теории, поколебленная на практике, остается для выдвинувшего ее класса именно в ее идеологической стороне. Теоретическая система, сохраняя свою научную (категориальную) структуру, постепенно перестает выполнять специфически научные функции, сводясь к иррациональной (псевдонаучной) форме агитации в защиту классовых интересов. Именно такой момент, связанный с кризисом рикардианской теории (и классической буржуазной политэкономии в целом), застал и описал как процесс ее вульгаризации К. Маркс[4].

[4] При этом надо отметить по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, основные изыскания Маркса в области буржуазной экономической мысли делались в период до 70-х годов XIX в. Он не успел проанализировать начавшуюся в конце его жизни маржиналистскую революцию в буржуазной политэкономии.

Во-вторых, определяя вклад в науку таких ученых, как Джон Стюарт Милль, Маркс не относил их к вульгарной политэкономии. Таким образом, уже этот факт заставляет задуматься над правомерностью отнесения Марксовой характеристики вульгаризации, той школы буржуазной политической экономии, которую он застал в середине XIX в., ко всему последующему развитию буржуазной экономической мысли.

Нам остается выяснить причину утраты теорией прогностических возможностей. В советской литературе она чаще всего сводится к классовой ограниченности. Такая постановка, однако, игнорирует тот факт, что класс - "потребитель" у буржуазной политической экономии остается в принципе неизменным. Если вести речь о кризисе буржуазной науки, то, очевидно, надо исходить из того, что она не может удовлетворить требованиям именно своего класса.

Такие кризисы буржуазная экономическая мысль претерпевала несколько раз за свою историю: в середине XIX в. — кризис рикардианства - и шире - всей буржуазной политэкономии, базирующейся на односторонней теории издержек производства, при игнорировании закономерностей спроса[5] в первой трети XX в. кризис опять-таки затронул все ведущие течения экономической науки, которые в явной или неявной форме продолжали руководствоваться "правилом невидимой руки", якобы устанавливающей за спиной производителей народнохозяйственные пропорции; наконец, кризис системы государственного регулирования экономики Запада, разразившийся в 70-х годах, был в то же время и кризисом кейнсианства, завоевавшего до этого трон господствующего течения буржуазной экономической мысли именно за счет своей практической, прогностической функции, несравненно более развитой, чем у теорий - "соперников".

Кризис науки всегда происходит в конкретной форме кризиса господствующей научной школы (или нескольких школ). Он поэтому не имеет перманентного характера, а всегда конечен: общество в лице того или иного класса, выдвинувшего и использующего в своих интересах научную теорию, не может допустить умирания науки вообще. Поэтому в конце концов одна школа сменяется другой, кризис — обновлением или научной революцией.

Основная причина кризиса теории, утраты ею своих прогностических возможностей — в конфликте между самой теорией и объясняемой ею действительностью, другими словами, между законами саморазвития теории и законами "внешнего мира".

В мировом науковедении устоялось понимание так называемого "твердого ядра" теории — совокупности методологических приемов ее построения и блока увязанных между собой центральных категорий. (Иногда применяется термин "парадигма".) Исследователь, работающий в рамках какой-то (формальной или неформальной) научной школы, ведет свой анализ исходя из уже сформированного до него понимания метода и центральных категорий науки, принимая их как данное. Это совершенно нормальное состояние развивающейся

Между тем с легкой руки марксистов начала XX в. такое понимание закрепилось в марксистской историко-экономической науке. Если верить учебникам и научным трудам 20-х - первой половины 80-х годов XX в., то буржуазная политэкономия пребывает с момента появления марксизма в перманентном кризисе, а процесс ее вульгаризации заходит все дальше и дальше.

[5] В этом отношении теория трудовой стоимости Д. Рикардо и теория "факторов производства" Ж.Б. Сэя мало, чем отличались друг от друга

науки, основанной на разделении труда. Как работник не стремится воссоздавать все свои средства производства заново, а использует унаследованные от предшественников и сделанные коллегами, так и научный работник, для того чтобы идти вперед, использует чужие научные результаты. В противном случае наука представляла бы печальное зрелище миллионов сумасшедших, ожесточенно решающих основной вопрос философии. Но, развиваясь вширь, захватывая все новые области экономической жизни в сферу своего объяснения, теоретическая система постепенно расширяет свое "твердое ядро", и наступает момент, когда эта жесткая, некритически воспринимаемая структура обнимает все или практически все представления об экономическом организме общества. Тогда наступает критический момент в развитии теории. Для того чтобы отражать изменяющуюся действительность, она неизбежно должна меняться сама. Но нередко окостеневшая теория уже не может измениться даже на периферии, не говоря о возможности преобразования самого "ядра". В таком случае наблюдается процесс самозащиты теории от действительности: факты, не укладывающиеся в схему, либо отбрасываются как случайные или малозначащие, либо "выталкиваются" в область совершенно другой науки. Здесь можно привести близкий для нас пример: негативные стороны социалистического производства советская политическая экономия в 60-70-е годы объясняла либо "родимыми пятнами" капитализма, либо отставанием сознания отдельных членов социалистического общества, вполне устранимым методами воспитания и образования.

Политико-экономическая система замыкается в себе, теряя индуктивную основу своих категорий и законов (представляющую постоянное движение от конкретного к абстрактному, "подпитку" теории фактами). Параллельно с этим в сознании ее последователей преувеличенное значение приобретают категории и законы сами по себе; их дальнейшее исследование имеет все более семантический характер, превращается в искусство манипулирования понятиями[6]. Метод из средства развития теории превращается в средство обоснования уже сложившейся теоретической системы. Начинается подсознательный (а иногда и сознательный) процесс подгонки фактов под теорию. Начинается процесс догматизации научной теории. Он, как лакмусовая бумага, демонстрирует ее кризисное состояние: теория "выдохлась", ее познавательный потенциал близок к исчерпанию. Целые классы явлений, не укладывающиеся в привычную категориальную картину, игнорируются наукой, и чем больше таких примеров, тем слабее доверие к науке у соприкасающихся с ней социальных групп.

[6] Своеобразным отражением этого процесса в советской политической экономии 60-х и особенно 70-х и первой половины 80-х годов явилось преувеличенное внимание к логике изложения материала, к тому, что в системе Гегеля входит в субъективную логику. Более того, в методологических дискуссиях этого периода нередко встречалось положение о единстве метода исследования и метода изложения экономической теории: на деле первое попросту сводилось ко второму

Упадок, догматизация теории накладывают отпечаток и на личный состав научных школ. Если на этапах становления и подъема вперед выходят исследователи, обладающие неординарным, критическим взглядом на сложившиеся представления, способные предложить новые решения, то по мере "окостенения" живого тела научной школы на передний план начинают выдвигаться совсем другие типы работников. Теперь основная функция лидеров научных коллективов — сберечь, сохранить накопленное, вовремя отразить критические атаки на сложившуюся систему представлений. Всякое новое представление должно в первую очередь согласовываться со всеми элементами "твердого ядра" традиционной теории. На смену новаторам приходят честные классификаторы, а в их среде все чаще встречаются "научные" приспособленцы, легко подлаживающиеся под "правила игры" данного ученого сообщества. Когда в деятельности школы "самоохранительная" функция выходит на первый план, появляются "научные работы", имеющие, я бы сказал, "знаковый" характер: не неся собственного содержания, они просто демонстрируют принадлежность автора к данной школе.

Разумеется, это отнюдь не способствует концентрации вокруг такой школы талантливых людей. Самостоятельно мыслящие исследователи имеют сравнительно меньше шансов, чем трудолюбивые конформисты, продвинуться вверх в "иерархии" загнивающей научной школы. Поэтому в критические моменты жизни научных сообществ критика их деятельности "извне", со стороны общества - "потребителя", находит поддержку в лице неудовлетворенных членов научного сообщества, выступающих с жесткой,

"разоблачительной" критикой несуразностей и теоретических тупиков погибающей школы. Одновременно наиболее талантливые ученые закладывают основы новой школы на развалинах поверженной. При этом они в первую очередь пытаются решить те социальные, прогностические задачи, на которые не смогла ответить прежняя школа. Выход теории из кризиса — радикальное обновление парадигмы, что подразумевает значительное сужение "твердого ядра" теории-"наследника". Разумеется, перестройка парадигмы не подразумевает, что отбрасывается весь накопленный теоретический багаж. Значительная его часть в преобразованном виде входит в новую теоретическую систему, но с обновленной фактологической базой и с новыми структурными связями. (Все сказанное относится к науке вообще - и естественной, и общественной. Но последняя в силу присутствия идеологической функции обладает значительным своеобразием.)

Там, где в естественных науках речь идет о борьбе профессорских самолюбий, в общественных подключаются интересы мощных социальных групп, заинтересованных в воспроизводстве или отрицании того или иного научного направления (в той степени, в

какой выводы этого направления соответствуют или, напротив, противоречат их интересам). Кризис той или иной школы в рамках социальной теории нередко (если противодействующие факторы слабы) принимает вид вульгаризации теории. Под ней я подразумеваю такое положение, когда идеологическая функция научной теории сходит со своего законного "теневого" места и начинает подавлять другие функции. Идеологическая функция занимает место главного "двигателя" развития теории. Тогда подлинная наука действительно вытесняется "сражениями наемных писак" (К. Маркс).

Если потребность общества в подлинно научной теории на данном этапе заторможена, социально-экономический строй может какое-то время развиваться "по инерции" или на основе эмпирического опыта, и тогда тенденции к вульгаризации могут зайти достаточно далеко. История буржуазной политэкономии дает примеры весьма одиозные. Достаточно вспомнить "теорию последнего часа" Н. Сениора, изобретенную в ответ на требования законодательного ограничения рабочего дня в промышленности[7]. Но и отечественная экономическая наука за минувшие годы не раз показывала, как она умеет "изгибаться по требованию начальства".

Таким образом, тенденции к вульгаризации теории имеют объективный характер и не увязаны непосредственно с каким-либо одним классом. Кризис политической экономии, связанный с вульгаризацией ее ведущей школы, тем сильнее сказывается на обществе, чем теснее практическая деятельность класса "заказчика" опирается на результаты экономической науки. Так, кризис буржуазной политэкономии начала XIX в. вряд ли имел серьезные практические последствия, тогда как кризис начала XX в. уже достаточно тяжело отразился на эффективности государственно-монополистического регулирования экономики, теория которого "запоздала" по сравнению с практикой на несколько решающих лет. Легко увидеть, что централизованная экономика социализма, будучи "по определению" научно организованной, должна переживать кризисное состояние своей политической экономии тяжелее, чем экономика капитализма.

Если любая теоретическая система по мере исчерпания своих эвристических возможностей обречена на кризис, на отрицание, то значит ли это, что каждая теория также обречена на вульгаризацию? Мне кажется, нет. Наряду с объективной тенденцией к вульгаризации существуют и противодействующие тенденции.

Одна из них (может быть, главная) — диалог теорий, их полемическое взаимодействие и взаимообогащение[8]. Пожалуй, один из наиболее ярких примеров такого рода — "золотой

[7] Сениор, напомню, вполне серьезно утверждал, будто вся прибыль фабрикантов создается за тот самый последний час работы их наемных рабочих, который хотели "обрезать" тогдашние радетели охраны труда.

[8] Для успеха этого диалога со стороны общества необходимо создание условий, исключающих возможность образования "монополии на истину"

век" советской политической экономии в 20-е годы. Необходимость всерьез отвечать на критику приводила тогда сторонников и марксистской, и неонароднической, и буржуазной политической экономии к модификации "исходных" теоретических систем, к их перестройке собственными силами. Процесс, начавшийся тогда, был насильственно прерван, и мы не можем сегодня выяснить, к каким бы он мог привести результатам.

Напротив, в развитии советской политической экономии установилась искусственная изоляция от мировой науки, атмосфера монополии на истину. В результате вульгарные тенденции в ней достигли невиданного в истории экономической мысли масштаба и влияния, привели ее почти к полному перерождению из науки в псевдонауку.

О том, во что обходятся научной теории "блестящая изоляция" и специально поддерживаемое единомыслие, можно судить, сопоставив результаты советской политэкономии социализма и относительно узкой группы исследователей-марксистов, объединенных в "Союз за радикальную политэкономию" (США). Представители этой последней, будучи, так же (а возможно, и более) как советские исследователи, отлучены от фактической картины развития социалистической экономики, но находясь тем не менее в обстановке научного диалога, уже в 60—70-е годы сформулировали значительную часть тех теоретических положений, которые составляют сегодня "перестроечный" потенциал нашей науки[9].

В то же время политическая экономия на Западе — как буржуазная, так и мелкобуржуазная по своему "классовому" направлению — смогла за последние десятилетия избежать значительной части опасностей, которые несет с собой кризис теории. Тенденции к вульгаризации действовали, но не носили определяющего характера и в кейнсианской школе, и в неоклассическом направлении западной экономической мысли. Кризисные явления в рамках этих школ разрешались, как правило, возникновением их "подвидов": так называемого ортодоксального кейнсианства, левого кейнсианства, монетаризма и др. На мой. взгляд, это объясняется отсутствием "жесткой привязки" практических и идеологических интересов основных классов современного буржуазного общества к какой-то одной теории (школе). Уже более века можно говорить о конкуренции научных школ в решении одних и тех же вопросов (объяснения и прогноза экономики), а не только о диалоге школ, разрабатывающих различную проблематику. В таких условиях правящему классу нет необходимости как-то искусственно поддерживать определенную научную школу, даже если идеи импонируют ему.

какой-то школы. В организационном аспекте это поощрение многообразия учебно-научных и научно-издательских центров.

[9] Политическая экономия социализма левых радикалов США анализируется в статье Е.И. Корольковой, помещенной в настоящем выпуске "Истоков".

Истоки вульгаризации марксистской политической экономии. Специфической особенностью марксизма как экономического учения является наличие факторов, объективно усиливших вульгарные тенденции уже на начальном этапе формирования его как научной школы.

Решающей и закономерной особенностью марксистского экономического учения является то, что оно не только выражает интересы пролетариата, но и выступает теоретической основой революционной организации этого класса. Поэтому его распространение существенно отличается от распространения буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий. Марксизм с самого начала был не просто партийной наукой, он был наукой пролетарской партии. Если буржуазная и мелкобуржуазная экономическая наука, теоретически обобщающая интересы своего класса в работах немногих ученых, ограничивает свое распространение научной средой, а к основной массе членов своего класса апеллирует, как правило, лишь посредством своей практической программы[10], то пролетарская политическая экономия может выполнить свою классовую, практическую революционную функцию, лишь распространяя научное мировоззрение в широкой массе политически активных членов своего класса.

Марксизм в одно и то же время есть наука и идеология рабочего класса. Первая форма распространения марксизма есть его пропаганда. Важнейшая роль при этом принадлежит популяризации, донесению решающих положений социально-экономического учения К. Маркса до трудящихся, прежде не сталкивавшихся с научной теорией. Недаром первое поколение последователей Маркса - К. Либкнехт, А. Бебель, П. Лафарг рассматривали эту задачу как первоочередную. Популяризация включает не только "пересказ" теории, но, как правило, и применение ее выводов к конкретным, близким людям проблемам собственной страны, поиск "национальных иллюстраций" марксизма. Сюда же относится и тот процесс, когда основные положения марксизма кладутся в основу программных документов политических и экономических организаций пролетариата.

Вторая форма распространения марксизма — теоретическая защита его положений как от открытой критики со стороны буржуазных и мелкобуржуазных идеологов, так и от реформистских и ревизионистских попыток "подстроиться" под марксизм. В условиях ожесточенной полемики, когда против Маркса после неудавшегося "заговора молчания" объединились буквально все силы буржуазной интеллигенции, эта задача закономерно приобрела решающее значение (особенно в 70-е и первую половину 80-х годов XIX в.).

[10] На мой взгляд, советская историко-экономическая наука не замечает этого различия. Так, В.С. Афанасьев, характеризуя общий кризис капитализма, писал: "В этот период кризис буржуазной политической экономии приобретает качественно новые черты, одна из которых состоит в том, что буржуазные экономические теории оказываются неспособными столь же эффективно, как прежде, воздействовать на сознание широких трудящихся масс" (Афанасьев В.С. Этапы развития буржуазной политической экономии. М.: Экономика, 1985. С. 158 - 159). Можно ли вообразить английского рабочего начала XIX в., знакомого с трудами А.Смита? В то время в немногих рабочих семействах низших классов единственной книгой была Библия

"Много лет, - отмечал К.Каутский, — приходилось нам тратить наше лучшее время и силы на то, чтобы защищать приобретенные прежде результаты марксизма"[11]. Вместе с тем теоретическая борьба заставляла искать новые данные, новые аргументы дополнительно к тем, что были в свое время высказаны классиками. Это усиливало теоретический потенциал марксистской науки.

Наконец, третья, высшая форма распространения марксизма есть распространение "вглубь": творческое развитие самой теории, обогащение ее новыми положениями, применение метода Маркса и Энгельса к решению качественно новых проблем. Разумеется, развитие марксизма идет рука об руку и с другими формами его распространения. Первым примером этого является деятельность самих основоположников марксизма. Например, многие основополагающие характеристики экономической системы социализма были сформулированы К. Марксом в процессе защиты своей научной теории — в "Критике Готской программы".

Подлинное развитие марксизма требовало от исследователей не "ученического" владения его теорией, а в первую очередь глубокого понимания его метода. Не следует считать, что никто из теоретиков европейской социал-демократии до В.И. Ленина не поднялся в своих произведениях до развития теории (в нашем случае — экономической). Работы К. Каутского, Э. Бернштейна, А. Бебеля, П. Лафарга, Г. Плеханова в последней трети прошлого века развивают марксистскую политическую экономию по ряду важных направлений.

Однако общая обстановка быстрого распространения марксизма "вширь" не могла не наложить своего (во многом негативного) отпечатка и на творчество этих ученых. Эпоха II Интернационала заложила основы, с одной стороны, огрубления, "упрощения", а с другой — догматизации марксистской экономической науки.

Эти негативные явления явились как бы оборотной стороной гипертрофированного развития первичных форм распространения экономической теории марксизма. Популярное, доступное для каждого изложение основ теории таит в себе скрытую опасность вульгаризации. Эта опасность становится явной, если *"упрощенные"* подходы переходят из популярных статей и брошюр в научные труды и программные документы. Вульгаризация же экономической теории есть такое упрощение ее, которое связано с реальными смысловыми утратами. В этом случае не массы поднимаются до науки, а наука "опускается" до уровня обыденного сознания. Примером вульгаризации может служить трудовая теория стоимости в "пересказе" Г. Плеханова, В. Либкнехта младшего. Другой пример — А. Бебель в работе "Государство будущего и социал-демократия" подменяет освобождение человека в качестве

[11] Каутский К. Соч. Т. 2. М. - Л., 1930. С. 53.

цели социализма удовлетворением его потребностей и облегчением труда. Коллективизм Бебеля пытается встать на уровень "сиюминутных" интересов трудящихся.

Защита же теоретической целостности марксизма, когда она переходит в "глубокую оборону", в свою очередь скрывает опасность догматизации существующих теоретических положений. Как уже отмечалось, догматизация теории есть априорное, некритическое восприятие ее положений, принятие их "на веру", в результате чего теория теряет связь с изменяющейся действительностью.

Но марксистскому экономическому учению на этапе его распространения соответствовала особенная форма догматизации. Ее можно назвать ученической или даже религиозной,

Не следует забывать, что марксизм стремился поднять к вершинам научного мировоззрения широкие, не соприкасавшиеся ранее с научным, критическим мышлением массы трудящихся. Сам стиль мышления этих широких масс рабочих, крестьян и ремесленников носил традиционный, религиозно-догматический характер. Догмы же религии и догмы традиций имеют гораздо более древнюю историю, нежели научные догмы. Поэтому не будет ошибкой сказать, что значительные слои "образованных" марксистов сделали его социально-экономическую теорию предметом скорее веры, нежели научных убеждений.

Именно поэтому марксистская политическая экономия стала для массы своих сторонников догмой уже фактически с момента своего возникновения. Все теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса в таких условиях уже составляли "твердое ядро" теории их последователей. Случаи, когда последние осмеливались в каких-то вопросах не соглашаться с основоположниками (не заявляя себя открыто ревизионистами, как Э. Бернштейн, или немарксистами, как М.И. Туган-Барановский), исчисляются буквально единицами. В результате на "теоретический пьедестал" стали возводиться не только доведенные до системного уровня теории, как "Капитал", но и гипотезы, в ряде случаев прямо расходящиеся с фактами, и отдельные теоретические положения.

Это становится очевидным, когда мы обращаемся к судьбам марксистских теорий докапиталистических формаций и социализма. Эти темы активно разрабатывались теоретиками II Интернационала, но ни один из них не пытался построить свое исследование иначе, чем отправляясь от очень немногих отрывочных высказываний классиков марксизма, известных в то время.

Наиболее значимым примером догматизации стало экстраполирование данной в "Капитале" общей картины производственных отношений капитализма на все его дальнейшее развитие. В результате наступающие явления империализма рассматривались их исследователями (П. Лафаргом, К. Каутским) не в качестве взаимообусловливающих сторон качественно новой

ступени развития капиталистической экономики, а по отдельности, как изменения отдельных сторон капиталистического способа производства. Вывод о новом качестве социально-экономического развития общества, современного теоретикам социал-демократии, не был ими своевременно сделан.

Наиболее сильно отразилось абсолютизирование содержащихся в "Капитале" теоретических положений и подходов на историзме марксистской политической экономии[12]. В это время, несмотря даже на явные предостережения Ф. Энгельса против внеисторического понимания категорий экономической науки, постепенно утвердилось положение об ограничении предмета политической экономии автоматически действующими законами капитализма. Широкое распространение приобрел "бессубъектный" подход, рассматривающий экономические законы и их изменение как "естественно необходимые", происходящие как бы сами собой, вне сферы воздействия человеческой воли. В политическом плане эти взгляды, наиболее крупным выразителем, которых был К. Каутский, послужили оправданием оппортунизма и бездеятельности основных партий II Интернационала в период нарастания кризисной ситуации в Европе.

"Ранняя", опережающая, по сути дела, формирование научной системы марксизма догматизация его теоретических положений закреплялась принятием значительной их части в качестве программных документов социал-демократических партий и международных организаций пролетариата.

Так, в знаменитой Эрфуртской программе СДПГ 1891 г., ставшей образцом для программ других социалистических партий, не только формулировались конечные и промежуточные цели социал-демократии, но и присутствовала (в предельно сжатом виде) "теоретическая основа" в виде формулировки Марксовых законов развития капиталистического способа производства. Именно в силу своей "сжатости", "освобожденности" от фактических и логических аргументов теория К. Маркса теряла в данном случае изначально присущие ей (как "молодой" теории) черты незаконченности, открытости к новым фактам и аргументам и приобретала черты противоположные — закрытости, законченности. Из научной теории уже начали проступать хорошо знакомые нам сегодня, черты "руководящей теории", теории, заранее известными положениями которой руководствуются.

Принцип партийности марксистской политической экономии, проводившийся в жизнь основными теоретиками II Интернационала, имел двоякие последствия. С одной стороны,

---

[12] Это, в частности, объясняется и тем, что в рассматриваемый период оставались неизвестными такие существенные для понимания методологии и социального идеала классиков марксизма их работы, как "К критике гегелевской философии права", "Экономико-философские рукописи 1844 года", "Немецкая идеология, а также рукописи 1857-1858 и 1861-1863 гг.

идеологическая функция теории выдвинулась на первый план в ее развитии, ограничивая вовлечение в анализ тех экономических процессов, которые не имели прямого отношения к "исторической миссии пролетариата". Так, из поля зрения марксистов выпали проблемы функционирования рынка, технического прогресса, обогащения потребностей человека по мере развития производительных сил и многие другие. Кругозор исследователей-марксистов, первоначально более широкий, чем у их буржуазных оппонентов, к концу XIX в. не то чтобы сузился (хотя, если сравнивать классиков и их последователей, то и это часто имело место), но отстал от раздвинувшегося горизонта буржуазных исследователей. (Вспомним, что вторая половина XIX в. — время рождения новой исторической школы, маржинализма в трех его основных течениях - австрийской, лозаннской и кембриджской школ, социально-правовой школы. Все они несли существенное расширение предмета исследования и обогащение его метода, существенно влияли друг на друга и на каждую из школ влиял марксизм.)

С другой стороны, теоретические положения К. Маркса и Ф. Энгельса (по крайней мере, некоторые из них), будучи вырваны из "законных" связей внутри научной системы (где их существование фактологически и логически обусловлено) и поставлены над этой системой, институировались как идеологические постулаты, были вне критики, как вне критики для партийной науки стоит соблюдение интересов своего класса.

Не просто идеология подмяла науку: наука отождествила себя с идеологией. Покушаясь на "программный" марксизм, его критик как бы покушался на интересы пролетариата. Это создавало условия для отказа от научной борьбы и замены ее борьбой политической.

На опасность исхода в конце прошлого века указывали многие критики "ортодоксального" марксизма, и в первую очередь Э. Бернштейн. Сегодня мы, думаю, имеем основание смотреть и на самого родоначальника ревизионизма, и на подобные ему исторические фигуры вне обязательного контекста того жесткого политического противоборства, в которое были вовлечены в то время и позже революционное и эволюционное крылья социалистического движения. Скептик, прав он или неправ, нередко видит то, что ускользает от внимания пламенных сторонников учения.

"Являясь выразительницами известных принципов и требований, — писал Бернштейн о политических партиях, — они, чтобы иметь возможность проводить их в жизнь, принуждены требовать от своих приверженцев, чтобы они в нужный момент беспрекословно за ними следовали..." Без этого, отмечает он, "немыслима продолжительная здоровая партийная жизнь"[13].

[13] Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? Одесса, 1906. С. 25

"Вопрос лишь в том, оставляет ли и на сколько оставляет характер политической боевой партии за социализмом то теоретическое беспристрастие, которое является непременным условием истинной научности. И ответ на это гласит, что степень беспристрастия зависит от ясности понимания той границы, которая существует между наукой как объективным познанием и программами и теориями политических партий". Выход - в "строгом отграничении области науки от партии": "социалистические программы никогда не должны быть в своей теоретической части... слишком детализированы"[14], — писал Бернштейн (составлявший, кстати, за несколько лет до этого вместе с К. Каутским Эрфуртскую программу).

Разумеется, позиция Э. Бернштейна не бесспорна. Не выдерживает по нынешним временам серьезной критики его отрицание классового характера общественных наук, их постоянной "идеологической составляющей". В этом вопросе он разделял широко распространенные тогда концепции позитивизма: если есть только одна истина, то возможна только одна истинная, "чистая" наука, и задача исследователя - приблизиться к такому "чистому знанию". Идеология же в системе воззрений позитивистов рассматривалась как чисто внешнее для науки явление. Поэтому степень чистоты научного знания, в том числе гуманитарного, — степень "отмытости" от "идеологической загрязненности"[15].

Но внимательное рассмотрение позиции тогдашних оппонентов Бернштейна, и в первую очередь Г.В. Плеханова, убеждает, что они, критикуя отмеченные выше положения автора (и довольно успешно разгромив их с позиций исторического материализма), "выплеснули с водой и ребенка". Предостережения Бернштейна о возможности перерождения марксистской теории были списаны на счет идейного перерождения самого автора. (Кстати, "буржуазный (почему-то именно буржуазный) объективизм" как заслуженная категория наших идеологических баталий ведет свою родословную как раз отсюда.)

Итак, экономическая теория К. Маркса в силу специфических обстоятельств формирования на ее базе научной школы породила совершенно специфические формы вульгаризации. Идеологическая функция этой теории с самого начала приобрела определяющий характер в ее дальнейшем развитии. Это оказывало деформирующее влияние на практическую, прогностическую функции: за исключением нескольких работ,

---

[14] Там же. С. 24, 25, 37.

[15] Бернштейн считал, что социология (включавшая в то время все науки об обществе) не может быть классовой и что она в этом отношении ничем не отличается от точных наук: "Где подобные взгляды встречаются, там мы при более близком их рассмотрении всегда найдем, что суть в игнорировании или недооценке различия между научно сформулированными теориями и самой наукой, что теории или доктрине потому присваивается название науки, что их построение формально соответствует требованиям, предъявляемым к научным выводам. Но научная форма еще не делает научной системы наукой, раз ее предпосылки и цели содержат в себе моменты, лежащие в стороне от свободного от всякой тенденции познания. А между тем именно это, то есть несвобода от тенденции, встречается в социально-политических теориях почти всегда" (Там же. С. 26).

Мне кажется, что сам Бернштейн встал бы в тупик перед задачей отыскать общественную науку, "свободную от всякой тенденции". В истории подобное "чистое знание" встретить просто невозможно. А ведь задача науковедения - исследовать закономерности развития реально существующего научного знания.

труды социал-демократических теоретиков эпохи II Интернационала ставили перед собой задачу еще и еще раз подтвердить справедливость выводов "Капитала", а не решить новую конкретную экономическую проблему. Методология "ортодоксально" марксистского исследования неявным образом пополнилась заданностью выводов. Кроме того, всякое покушение на авторитет К. Маркса в рамках его школы решительно отсекалось как ревизионизм (на теоретическую борьбу марксизм очень рано, задолго до захвата политической власти, распространил чисто партийный политический подход. Лозунг «Кто не с нами, тот против нас!» имеет более глубокие исторические корни, нежели сталинщина).

Формы вульгаризации политической экономии социализма. В настоящее время в политической экономии социализма имеют место две основные формы вульгаризации. Формы эти носят объективный характер, порождены не спецификой развития той или иной конкретной научной школы (и тем более не конкретными лицами), а внешними по отношению к экономической науке факторами. Влияния вульгарных тенденций не избежала ни одна из существующих на сегодняшний день школ политической экономии социализма. Это не означает, будто существующие течения в нашей науке в одинаковой степени подверглись вульгаризации, — нет, при более конкретном анализе возможно выделить и открытые для развития, и тупиковые теоретические системы. Но начинать анализ имеет смысл именно с общих проблем.

Наиболее одиозная форма вульгаризации, которая относится не только к политической экономии, но ко всему комплексу общественных наук в социалистических странах, — это "политическая" вульгаризация науки[16]. Я беру слово "политическая" в кавычки, поскольку в своих развитых формах она отнюдь не исчерпывается давлением политических задач над теоретическим анализом. С приходом марксистских партий к государственной власти совершается превращение марксизма как идеологии партийной в государственную идеологию.

Тем самым каждая из сопутствующих развитию экономической теории марксизма негативных сторон как бы приобретает новое качество: это относится и к "защите его теоретической целостности", и к смыканию экономической науки и соответствующих практических, программных документов.

Получившая в свои руки государственную власть коммунистическая партия начала свою

[16] К иррациональным формам этого процесса можно отнести те его "перехлестывающие через край" разновидности, когда в него вовлекаются естественные науки - в СССР, особенно в период пребывания у власти И.В. Сталина, были представлены как "негативные" формы политической детерминации естественных наук (когда те или иные из них назывались "буржуазными", как кибернетика и генетика, что вело к ликвидации соответствующих научных направлений), так и "позитивные" (выражавшиеся, например, в утверждении приоритета тех или иных школ исключительно на том основании, что это были советские (а значит, социалистические!) школы. Некоторые предприимчивые ученые-естественники поспешили в 20-30-х годах "записаться в марксисты", громко провозглашая свою приверженность методу диалектического материализма во введениях к своим работам. Как показал опыт, этого нередко было достаточно для утверждения в качестве господствующей школы.

деятельность с попытки претворения в жизнь своих теоретических представлений, закрепленных в ее программных документах. Развитие событий, однако, объективно выводило экономическую практику большевиков за рамки сформулированного в старой Программе партии и других руководящих документах. Многое приходилось решать на основе здравого смысла, конкретного соотношения классовых сил и т.п. Все крупные решения в свою очередь закреплялись в партийных документах, приобретавших по мере того, как РСДРП (б) - РКП (б) - ВКП(б) - КПСС все глубже руководила экономикой, все более конкретный, детализированный характер. При этом симбиоз, выработавшийся в конце XIX в., — "теория - программа" — не только продолжал свое существование, но и (по мере сужения возможностей "внепартийной" теоретической деятельности) укреплялся. Уже к концу 20-х годов происходит своеобразное оборачивание сторон этого симбиоза. Теоретики начинают оглядываться на "руководящие указания" партийных органов". В основу изучения политической экономии мы должны положить работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина и решения нашей партии", - так предваряли свой курс политэкономии И. Лапидус и К. Островитянов в середине 30-х годов[17].

Если в XIX в. программа следовала теории, то в XX в. теория следует программе.

После 1917 г. на первый план вышли практические задачи социалистического строительства. Теория не могла более пребывать в рамках старых догматических представлений о социализме: часть из них явно противоречила конкретным условиям России, но прежде всего старой теории просто "не хватало" для объяснения многообразной действительности.

Эта ситуация вела к настоящему взрыву новых гипотез, суждений, оценок. В короткий период теоретиками буквально всех лагерей было высказано много ценных теоретических положений. Сложившиеся школы начали взаимодействовать, перемешиваться, порождать новые школы. Возникли объективные и субъективные предпосылки научной революции.

Но на фоне теоретического многоголосия первых лет Советской власти неуклонно шел процесс политической консолидации партии и общества в целом. Если вмешательство партийно-государственного аппарата в существование научных сообществ первоначально носило выборочный характер и было в основном связано с политической деятельностью их членов (действительной или потенциальной), то с середины 20-х годов власть все решительнее начала "отделять овец от козлищ".

Процесс деформации "защиты марксизма" прошел несколько стадий. На первой (начало которой относится еще к дореволюционному периоду) теоретическая борьба, развивающая

[17] Лапидус И., Островитянов К. Политическая экономия. Ч. 1- Изд. 8-е. ОГИЗ, Соцэкгиз, 1934. С. 13.

аргументы сторон и заставляющая их обращать внимание на новые явления и процессы, замешается борьбой политической. При этом анализировались не аргументы противника, а его политическая позиция, как на конкретном, так и на "глубинном" уровне (в последнем случае определяется его "классовое лицо").

Публикации 20-30-х годов дают яркие примеры полемики путем "наклеивания ярлыков". Удостоив противника политической идентификации его личности, можно было уже не так утруждать себя разбором противоречий его теории.

Вот пример, так сказать, массированного "классового определения" теоретических концепций, противостоявших в конце 20-х годов победившей линии: "Какие же это основные школы, которые выражали в своих взглядах, в своих положениях капиталистическую тенденцию развития нашего сельского хозяйства? Это, во-первых, буржуазная школа, наиболее яркими представителями которой являлись и являются Кондратьев, Литошенко, Вайнштейн и др. Во-вторых, мелкобуржуазная школа, неонародническая, наиболее яркими представителями которой являлись Чаянов, Челинцев и др. Наконец мелкобуржуазная стихия получила отражение и в рядах нашей партии. И тут появились теории, которые явились выражением влияния этой мелкобуржуазной стихии: это троцкизм и правые уклонисты, это Троцкий, Преображенский и др., с одной стороны, и с другой - Бухарин, который в своих работах последнего времени в сущности отразил давление кулацкой части деревни"[18]. Приведенная выдержка из доклада В. Милютина "Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства" характеризует атмосферу "дискуссии" на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, созванной Сталиным в декабре 1929 г. для подведения "теоретической базы" под состоявшиеся решения о сплошной коллективизации деревни.

Эта сравнительно малоизвестная нынешним экономистам конференция открывает собой ряд погромных мероприятий, затронувших в 30-е и 40-е годы другие научные дисциплины. (Наиболее известна августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г.) Конференция - рубеж между "словесной" политической борьбой с альтернативными теориями и политикой государственного подавления инакомыслящих ученых. Последняя последовала незамедлительно. Сталинский призыв к "выкорчевыванию" теорий Чаянова, Громана, Базарова, "засоряющих головы наших практиков"[19], на деле означал "выкорчевывание" самих теоретиков. Процессы "Трудовой крестьянской партии" и "Союзного бюро меньшевиков" выбросили "идущих не в ногу" из науки, а "пересуд" 1937-1938 гг. - из жизни.

Советская экономическая наука на рубеже 20-30-х годов была практически полностью обескровлена.

---

[18] Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. Т. 1. С. 25.
[19] Труды первой Всесоюзной конференции аграрников-марксистов. Т. 1. С. 432.

Вторая стадия перерождения "защитной функции" теории — переход от политических методов к административным. Но если чистоту теории начинают охранять "особые отряды вооруженных людей", то это значит, что в лице теории государство защищает самое себя. Покушение на установленную систему взглядов кажется теперь ему столь же опасным, как покушение на государственные институты. И методы предупреждения "теоретических преступлений" — те же, что и преступлений настоящих: это неотвратимое наказание уже совершивших преступление и страх перед ним у потенциальных преступников. Целые поколения обществоведов были воспитаны на подобном страхе перед новым словом, которое может противоречить старому. Сталин воплотил в жизнь то, что даже в мрачной фантазии Щедрина осталось домыслом свихнувшегося градоначальника, - проект "О введении единомыслия в России".

Третья стадия перерождения — поиск врагов в собственном стане. В воронку уничтожающей критики затягиваются все новые и новые исследователи, еще вчера принимавшие "на равных" участие в очередной проработке, но рискнувшие при этом хоть чем-то выделиться на фоне господствующего мнения - начальства или большинства. Например, на конференции 1929 г. такими "паршивыми овцами" оказались Ю. Ларин и С. Дубровский.

В результате даже от кадрового состава "победившей" таким образом марксистско-ленинской теории остается "ровное место". Более нет речи о каких-то научных школах в рамках политической экономии социализма. Любое течение воспринимается как уклон от генеральной линии партии.

Таким образом, к середине 50-х годов "политическая" вульгаризация политической экономии социализма зашла настолько далеко, что привела ее к перерождению из науки в своеобразный раздел государственной религии. Налицо имелись как "священное писание" классиков, так и его установленные толкования. Сложившаяся в результате сложного взаимодействия "программных" решений партийного руководства и теоретических обоснований этих решений со стороны политэкономов-комментаторов система представлений о социализме имела лишь внешний вид научной теории. Во-первых, она не имела нормальной фактологической базы, ее связь с действительностью носила условный характер. Во-вторых, руководящие социальные группы с самого начала ставили перед ней чисто идеологические задачи. Политэкономия должна была доказывать преимущества социализма, оправдывать и обосновывать формулирующуюся без ее участия экономическую политику. Поэтому в этом случае не имеет смысла говорить о кризисе ее как науки — ведь кризис подразумевает неудовлетворенность "потребителя" теории, а Сталин, надо

думать, был доволен "своей" наукой.

Но эпоха Сталина — лишь высшая точка "политической" вульгаризации. Не следует считать эту тенденцию неживой даже в настоящих условиях. По сути весь период начиная с 1956 г. и по сей день — это история борьбы здоровых сил экономической науки с удушающим ее политическим давлением. Тенденция "политической" вульгаризации и насильственного единомыслия то ослабляет свое воздействие на работу исследователей (1956-1968 *гг.,* период с 1983 г. и особенно с 1987 г. в СССР, с 1978 г. в Китае), то, напротив, резко усиливается. Поэтому, несмотря на то, что эта тенденция (не только в политической экономии, но и во всех общественных науках) выявлена в нашей литературе и подвергнута "общественному остракизму" вместе с другими атрибутами эпохи культа, следует внимательно разобраться в ее собственном содержании, в том, что она значит для науки. Определив симптомы болезни, общество получает возможность распознать ее и в новом обличье.

Утрата прогностической функции, как уже говорилось, составляет одну из сторон "политической" вульгаризации экономической теории социализма. Я уверен, что в данном случае речь идет именно об утрате, а не о каком-то ограничении этой функции. Как она произошла? Дело в том, что в 20-х годах, когда экономическая система социализма только создавалась, когда новые производственные отношения находились в постоянном "неравновесии" со старыми укладами, тогда политический авангард общества удовлетворялся старым глобальным прогнозом пролетарской политэкономии дореволюционной эпохи. Этот прогноз говорил о прогрессивности социалистического уклада по сравнению с "соперничающими", из него следовала необходимость обобществления производства и создания соответствующей материально-технической базы как гарантии реальности такого обобществления. Опираясь на эти выводы дореволюционного марксизма, партийно-государственное руководство СССР и проводило свою экономическую политику. При этом можно отметить стремление опираться в первую очередь на самые общие выводы К. Маркса и его последователей, нередко игнорируя более детальные характеристики перехода к социалистической экономике, данные в работах классиков и их школы. Так, группировка сторонников высоких темпов социализации во главе с И.В. Сталиным в конце 20-х годов полностью проигнорировала теорию коллективизации (кооперации), достаточно полно разработанную марксистами еще в конце XIX - начале XX в.

Но подобные проработки теории будущего общества, надо признать, не были характерны для дореволюционной марксистской литературы. Ей была присуща своего рода "зацикленность" на глобальном прогнозе. И эта дальнозоркость теории помешала основной

массе политэкономов-марксистов увидеть в ситуации нэпа не только динамические процессы классовой борьбы, вытеснения или подчинения одним укладом другого и т.п., но и нэповскую экономику как функционирующую, воспроизводящуюся систему, разглядеть в ней стабилизирующие факторы. Если товарное производство - значит, завтра будет капитализм, если рынок и конкуренция — значит, не избежать разорения на одном конце и превращения в паразита-эксплуататора на другом — вот пример логики рассуждений марксистов 20-х. Такие положения нельзя назвать неправильными — они описывали реально существовавшие тенденции экономического развития, но тенденции долгосрочные, глобальные. По старинке, сосредоточивая на них внимание, марксисты забывали, что теперь они представляют интересы победившего пролетариата, взявшего себе руль государственной власти, а вместе с ним и ответственность за сегодняшнее и завтрашнее состояние народного хозяйства.

Поэтому и выход из экономических трудностей эти экономисты указывали политический — вытеснение досоциалистических производственных отношений и достижение "нормального", т.е. одноукладного, состояния общества. Ничего лучше второй революции - революции "сверху", силой пролетарского государства - придумать они не могли.

Догматическое перенесение предмета пролетарской политической экономии на предмет политической экономии социализма привело в условиях развивающегося советского хозяйства к отрыву политэкономии от экономической практики — отрыву тем большему, чем более конкретные вопросы ставила практика. Когда речь зашла о функционировании уже "чисто социалистической", насильственно обретшей однородность экономики, политическая экономия уже твердо усвоила, что это - не ее дело. Листая журналы первой половины 30-х годов, можно убедиться, что проблемы хозрасчета, функционирования отдельного предприятия, внедрения новой техники, кредитования строек и подобные решались на сугубо эмпирическом, единичном или в лучшем случае отраслевом уровне. Попытки вывести какие-то общие принципы и закономерности этих процессов практически не предпринимались. Политическая же экономия оставила за собой область общих рассуждений, не требующих до поры до времени каждодневной проверки фактами ("факты" же для иллюстраций, разумеется, всегда находились).

Таким образом, сложилось существующее и по сей день уродливое разделение труда в советской экономической науке, когда политическая экономия процессы функционирования хозяйства рассматривает на уровне абстрактных схем воспроизводства, а проблематика хозяйственного механизма раздроблена по отраслям и составляет предмет конкретных - отраслевых и функциональных экономических наук.

Отрицательная особенность последних — методологическая узость, сведение предмета к описанию существующего хозяйственного механизма без какой-либо попытки определить сравнительную эффективность его форм и институтов. В последнем легко убедиться, раскрыв любой учебник: "Экономика промышленности", "Финансы и кредит" и т.д.

В советской экономической науке действует своеобразный методологический дуализм: метод политической экономии - нормативно-идеалистический, метод конкретных экономических дисциплин — нормативно-описательный. Взаимодействие между этими науками носит декларативный характер. Между тем на Западе прикладные экономические науки занимаются именно конкретизированием, "прикладыванием" к специфическим условиям какой-то отрасли общих законов рынка, фирмы, потребительского поведения, формулируемых обшей экономической теорией (экономикс), которой мы на том основании, что она занимается не только развитием производственных отношений, но и их функционированием, высокомерно отказываем в названии политической экономии.

Оторванная в результате догматического ограничения своего предмета от всякой связи с практическими задачами реальной экономики, вульгарная политическая экономия социализма давно потеряла всякий авторитет не только в среде экономистов-практиков, но и у представителей конкретно-экономических дисциплин.

В условиях превращения политической экономии в составную часть государственной идеологии происходит деформация не только развивающейся, неустоявшейся части теории, но и самого ее "твердого ядра" - казалось бы, священного теоретического наследия классиков марксизма-ленинизма. Происходит его десистематизация. Возведенное в абсолют наследие классиков "раскладывается" для удобства использования буквально на отдельные фразы. С помощью такого рода "священных текстов" обосновывается что угодно. (Недаром наши обществоведы так любят выражение "теоретическая сокровищница марксизма-ленинизма". Действительно, в собраниях сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина для них содержится "всеобщий эквивалент" - и в прямом, и в переносном смысле.) Самый последний пример — это произошедшее буквально на наших глазах чудесное превращение К. Маркса и В.И. Ленина из "твердых планомерщиков" в обоснователей социалистического товарного производства.

Научная школа марксистов из естественно возникшего, свободно сложившегося сообщества ученых становится формальной, внешней (хотя и "жесткой") оболочкой всякой легальной научной работы. "Твердое ядро" теории размягчается изнутри и превращается в тесную скорлупу, в "хитиновый панцирь" для обществоведения социалистических стран. Влияние этой "теоретической оболочки" двояко. С одной стороны,

ставится достаточно жесткая преграда для развития самого марксизма, которое неизбежно предполагает выход за рамки сложившейся системы категорий (вернее, набора категорий, потому что их системное качество "внутри скорлупы" достигается далеко не везде). С другой стороны, научному сообществу ничего не остается, кроме попыток объяснить действительность, пользуясь наличным, "разрешенным" теоретическим аппаратом. Это ведет к заведомо бесплодным попыткам создания, например, теории рынка (на уровне его функционирования), пригодной для использования его агентами, исключительно на базе трудовой теории стоимости, без привлечения, разработанной в западной науке теории спроса. Подобного рода "изобретения деревянного велосипеда" не есть плод какой-то неграмотности отдельных авторов. Это показатель сегодняшнего состояния советской экономической науки в целом.

Далее, деформация познавательно-систематической функции проявляется в том, что в условиях отсутствия как содержательных знаний о действительном состоянии экономики, так и подлинного "социального заказа" со стороны общества на результаты научных исследований внутренние стимулы деятельности исследователей сводятся к "самокопательству", к гипертрофированному интересу к методологическим вопросам. В годы застоя существовало даже своеобразное разделение политэкономов на "коньюктурщиков" — тех, кто сосредоточивался на идеологической функции теории и комментировал состоявшиеся решения партии и правительства, и "методологов", избравших путь "беспристрастного", как им казалось, исследования соотношения исторического и логического, исходного и основного производственных отношений и т.п.

На деле подобный "уход в науку" ничем в лучшую сторону не отличался от беспардонной конъюнктурщины. В условиях, когда категории политической экономии не отражали процессов реальности, а существовали как бы сами по себе, любое, самое изощренное манипулирование ими неизбежно сводилось к игре словами.

Направление, сложившееся в результате интенсивной "политической" вульгаризации, можно назвать нормативно-догматическим, или "политэкономией желаемого". Именно на его базе созданы существующие в настоящее время теоретические системы. Безусловно, системное знание о предмете — есть главное условие глубины и точности научного прогноза. Однако "твердое ядро" систем политэкономии социализма, созданных в 60-70-е годы, имеет, на мой взгляд, коренной недостаток, сводящий на нет все преимущества системного подхода: центральные категории и законы их не подтверждаются фактами. Сформулированный не без помощи данного направления политической экономии идеальный образ социализма мог использоваться и использовался почти исключительно в

пропагандистских целях.

Отражением именно этой логики развития экономической мысли является структура действующей программы и учебника по истории экономических учений. Здесь вначале излагаются "теоретические проблемы экономики социализма в решениях ВКП(б) (КПСС)", а затем -те же проблемы "в работах советских экономистов".

Сейчас огонь критики сосредоточен именно на этом направлении вульгаризации, именно с ним отождествляются неудачи советской экономической науки.

Но при этом остается в тени другое направление вульгаризации политической экономии социализма — эмпирическое. Оно стало складываться в 60-е годы, когда экономисты понемногу стали допускаться к статистике, к фактам о положении дел в народном хозяйстве.

После долгих лет "отлучения от факта" и абсолютного господства теоретических догм сама возможность отталкиваться в политико-экономическом исследовании от процессов реальной жизни должна была казаться многим исследователям достаточной гарантией научности их трудов. При этом сама "открывшаяся" фактологическая база не подвергалась критическому анализу, А между тем достоверная информация (как известно, степень достоверности информации определяется возможностью перепроверки данных по другим — параллельным либо пересекающимся - информационным потокам) поступала экономистам только с одного уровня — первичного производственного звена (предприятия). Экономическая информация более высоких уровней намеренно или по традиции искажалась или засекречивалась, во всяком случае, о возможности перепроверки выданных ЦСУ данных не было и речи. Информация же о "личном" или семейном уровне экономической жизни общества попросту не собиралась.

Этим можно объяснить тот факт, что главные положительные результаты экономистов "новой волны", заявивших о себе в конце 50-х — первой половине 60-х годов, состояли именно в разработке теории хозрасчета и общих положений о товарном производстве как оптимальной среде функционирования социалистического предприятия. Заслуга этих ученых, вернувших в советскую политэкономию и — шире - в общественное сознание такие категории, как "прибыль", "интерес предприятия, коллектива", "рынок", бесспорно велика. Но нельзя не обратить внимания и на слабость "новой политэкономии", которую она проявляла всякий раз, когда возникала потребность выйти за рамки проблем уровня предприятия.

Нельзя не видеть, что, провозглашая необходимость развития рынка, теоретики 60-х крайне слабо представляли себе законы его функционирования на народнохозяйственном уровне.

В частности, ими совсем не затрагивались ни проблема денег и обращения, ни регулирование рынка, ни проблемы монополии и конкуренции. Сворачивание экономической реформы 1965 г. в Советском Союзе и аналогичные процессы в ряде зарубежных социалистических стран объясняются не только "политическим" испугом перед чехословацкими событиями. Немалую роль сыграл и тот факт, что, правильно определяя и защищая интересы предприятий, идеологи реформы зачастую не могли предложить правительствам своих стран ничего, кроме общих фраз и повторения абстрактных схем воспроизводства Маркса. В таких условиях центральные экономические органы, несущие ответственность за состояние страны в целом, поневоле подталкивались к использованию старых, антирыночных методов.

Я еще раз хочу подчеркнуть, что моей задачей не является характеризовать конкретные школы или тем более конкретных экономистов. Приведенный пример характеризует объективную, продиктованную внешними для науки условиями ее развития ситуацию. Эмпирическая вульгаризация представляет собой как бы "вторую линию обороны", предстающую перед нами тогда, когда мы с боем преодолеваем первую линию — политическую вульгаризацию.

Решающие причины эмпирического подхода - отсутствие в фактологическом основании теории данных социологического анализа и экономической истории. Политическая экономия имеет бессубъектный и безысторический характер. В этих условиях народнохозяйственная статистика поневоле даст искаженную картину экономики, так как в отсутствие учета реального отношения агентов производства к экономическим процессам, с одной стороны, и долгосрочных тенденций развития экономики — с другой, сами статистические показатели формируются существующим хозяйственным механизмом и отражают фетишизированную по своей сути картину. Например, много ли может дать политэконому отчет о выполнении плана по валу, о распределении работников по "узаконенным" формам собственности и т.п.? Опирающаяся на существующую статистику политическая экономия обречена вращаться в кругу действующего хозяйственного механизма, и если и способна указать на неблагополучие, то уж никак не в силах — на выход из него.

Надо сказать, что бессубъектный подход был оправдан в рамках политической экономии капитализма, как она сформировалась в трудах ее классиков. Действительно, в классическом капиталистическом способе производства наемный труд выступает отчужденным от своего носителя как по содержанию (как труд-страдание, труд-жертва), так и по характеру (как труд на другого, чужого человека). Собственная мотивация труда работника не интересовала в XIX

в. ни капиталиста-практика, ни теоретика буржуазной политической экономии. В экономическую систему капитализма встроен мощный механизм принуждения к труду - наличие резервной армии труда. Именно отсутствие гарантии занятости и, следовательно, средств к существованию — как в отношении работни-ка к предприятию, так и в отношении предприятия к обществу в целом — составляет главный элемент экономического принуждения к труду. Манипулирование заработной платой играет вспомогательную роль[20]. В экономическую систему социализма такой механизм не заложен. Принцип всеобщности труда дает гарантию занятости каждому члену общества. Это само по себе в значительной мере ослабляет эффективность материального стимулирования, ставит рядом с ним стимулирование моральное, основывающееся на отражении в сознании субъекта коренного единства его личного и общенародного интереса.

Довольно продолжительное время в политической экономии социализма господствовала точка зрения, согласно которой сочетание двух видов стимулов к труду достаточно для эффективного функционирования экономики социалистического общества. Нужно сказать, что само развитие нашей экономики в 30-50-е годы, казалось, подтверждало эту точку зрения. При этом фактически игнорировались (точнее, относились на коммунистическую перспективу) такие стороны провозглашенного "основного экономического закона социализма", как развитие личности, возрастание потребности в творческом труде как важнейшей сферы реализации возможностей человека.

Между тем этот игнорировавшийся стимул трудовой активности стал играть, начиная с 60-х годов все возрастающую роль в отношении людей к труду. Сначала общество ощутило его воздействие по мощному притоку молодежи в сфере науки и научного обслуживания, притоку, менее всего ориентировавшемуся на материальное вознаграждение своего труда (хотя и наука не заняла еще в те годы своего последнего места в уровне оплаты труда). Затем, уже в 70-е годы, его ощутила экономика крупных городов. Выросшие в них молодые люди в массе своей отказались занимать даже относительно неплохо оплачиваемые, но тяжелые, непривлекательные по содержанию и условиям труда рабочие места на заводах, в строительстве и транспортном обслуживании. Возникла проблема "лимитчиков", имеющая многочисленные тяжелые последствия в экономическом и социальном положении дел в городах. Все более "острый" материал о состоянии трудовой мотивации стали поставлять общественным наукам социологические обследования.

[20] По мере того как пролетариат отвоевывал себе все новые социальные гарантии в экономической системе капитализма, буржуазная политическая экономия все более внимательно относилась к субъекту труда, к его объективным и субъективным характеристикам. Субъективный подход, например, составлял и составляет одну из основных характеристик "твердого ядра" маржиналистской теории, и поэтому такие категории, как "предельная тягость труда", легко вписались в теоретическую систему маржинализма. Это в свою очередь послужило теоретической основой для формирования уже в первой трети XX в. экономической социологии как важнейшей составляющей фактологической базы современной политэкономии Запада

Казалось бы, политическая экономия должна учесть появление и рост роли новых стимулов труда. Однако для этого было необходимо отойти от сложившейся бессубъектной трактовки производственных отношений, сломать один из "несущих" элементов господствующей парадигмы экономической теории. Этого не произошло, и это составляет на сегодняшний день один из моментов кризиса политической экономии социализма.

Бессубъектная политическая экономия исключает из своего предмета проблему реального отношения работника к труду. Так, в учебнике политической экономии под редакцией А.М. Румянцева, где в отличие от других курсов поставлена проблема экономических интересов, специально указывается на их объективный (т.е. опять-таки односторонне обусловленный производственными отношениями) характер. Такие "объективные" интересы зеркально отражают соответствующие производственные отношения, в которые поставлен субъект. Нетрудно заметить, что на этой основе практически теряется различие между материальными и моральными стимулами: если "объективно" смотреть на вещи, то и те, и другие обеспечивают реализацию одного и того же набора интересов[21].

На наш взгляд, именно отказ от исследования роли субъекта в социалистическом производстве, отодвигание проблем, связанных со стимулами к труду, в круг поверхностных, производных отношений в экономике[22] послужили причиной того, что политическая экономия социализма имеет утопический, оторванный от жизненных реалий характер. Это проявляется не только в общих декларациях, но в "реалистических" по задаче исследованиях эмпирического направления. Так, выделяя и обосновывая особенный интерес предприятия, "новые экономисты" 60-х годов фактически отождествляли интерес коллектива и администрации, а разнонаправленность интересов различных групп внутри коллектива просто игнорировали. Тем самым категория "интерес предприятия" приобретала фетишистский характер. Это была скорее категория долженствования, чем реальности.

Упрощенное понимание актуальности, отсутствие потребности в истории и самого исторического сознания у массы экономистов привели к исключению историко-экономического материала из фактологической базы теории. Тем самым в экономике абсолютизировалась сиюминутная ситуация, круг рассматриваемых проблем сузился до тех, которые "болят" именно сейчас. Сложилась своеобразная "политэкономия короткого дыхания", спринтерская наука. От истории откупались сравнением нынешних высот с 1913 г. Такой оборот дела не был случайностью. Хрущевское "потепление" не покушалось на сумму

---

[21] "Чем больше производится продуктов в социалистическом обществе, тем больше их поступает в распоряжение производителей. Тем самым трудящиеся материально заинтересованы в развитии производства. В этом заключается сущность материальных стимулов к труду при социализме.
Осознание членами общества своего положения как совместных хозяев средств производства и результатов совместного труда, общественной значимости своего труда составляет основу моральных стимулов" (Политическая экономия: Учебник. Т. 2. М.: Политиздат, 1980. С. 86).

[22] В учебнике политической экономии и в "Курсе политической экономии" под редакцией Н.А. Цаголова соответствующие проблемы ставятся только в связи с анализом форм распределения, после рассмотрения характера труда и процесса социалистического производства

исторических мифов о советском обществе, которая была заложена в 30-е годы. Вплоть до последних лет эти мифы также обладали идеологической неприкосновенностью.

Но политическая экономия, лишенная исторической базы, лишается возможности устанавливать стратегические тенденции развития общества. Не умеющая "видеть назад", она теряет возможность "видеть вперед".

Эмпирическая вульгаризация деформирует и прогностическую, и внутреннюю (познавательную) функции политической экономии. Деформация прогностической функции проявляется в чрезвычайной ограниченности поля действительного прогноза: это, как правило, функционирование основного звена экономики (ячейки обособленной собственности). При этом его специфические интересы как бы проецируются на всю экономику, заслоняя в глазах исследователей всю сложную гамму разноуровневых интересов - от отдельных людей до общества в целом. Из единой системы функционирования и развития социалистической экономики искусственно выделяются и абсолютизируются немногие процессы. Они имеют под собой реальное, в том числе и технико-экономическое, содержание (ведь именно предприятие представляет основной, "базовый" уровень функционирования производительных сил), но из-за заведомого искажения общеэкономического "фона" их исследования даже ограниченный по времени и месту прогноз часто оказывается несостоятельным.

Деформация внутренней структуры экономической теории в этих условиях представляет собой как бы реакцию на схоластическое теоретизирование "первой волны" вульгаризации: нередки случаи отказа от теоретического аппарата в виде абстрактных, общих законов и категорий, не говоря уже об их систематизации. Но поскольку теория без аппарата существовать не может, на роль категорий выдвигаются понятия, заимствованные из "обыденной жизни": это, как правило, формы действующего хозяйственного механизма (себестоимость, рентабельность, валовая продукция и т.п.) и наиболее общие категориальные понятия, разработанные мировой экономической мыслью (товар, рынок, капитал, выгода, интерес). Но последние берутся вне определений, вне точного контекста, разработанного усилиями многих научных школ, - так сказать, на приблизительном уровне. Теория как бы специально опускает себя в дотеоретический уровень зарождения экономического анализа, ко временам Уильяма Петти и Ивана Посошкова.

В истории мировой экономической науки встречаются примеры подобного "теоретического отступления", отбрасывания накопленного учителями теоретического материала. Достаточно вспомнить новую историческую школу в Германии второй

половины прошлого века, а в XX в. - У. Митчелла и его последователей в США. Но при всей неоднозначности их собственных теоретических результатов эти школы ставили перед собой скорее задачи перепроверки существующих законов и категорий на основе более полной фактологической базы, нежели заведомого "приземления" своих исследований.

Сегодня мы переживаем этап отрезвления. Уже на XXVII съезде КПСС было отмечено, что экономическая наука оказалась в большом долгу перед обществом. В брежневские годы, когда народное хозяйство все стремительнее скатывалось к кризису, она не смогла своевременно предупредить общество о нарастающих негативных тенденциях. Здесь сказалось влияние обеих форм вульгаризации: и политической (ведь согласно официальным заявлениям, все по-прежнему было в порядке), и эмпирической, у которой просто не хватило теоретического кругозора для революционных выводов из "текущих" проблем. Этот долг не выплачен и сегодня. Своей статьей я попытался напомнить, что между наукой и обществом существуют более сложные счеты, чем это представляется на первый взгляд. Наука сознает свою ответственность, но не может сделать крупных шагов вперед без помощи общества.